

ЛИТВА И КРИВИЧИ

ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СЕДОВ

В раннем железном веке территории, где сформировались раннесредневековая литва и кривичи, принадлежали двум крупным племенным образованиям балтского этноязыкового массива. Бассейны верхнего и среднего течения Немана со смежными областями Верхнего Поднепровья и частично Подвинья заселяли носители культуры штрихованной керамики, составлявшие ядро древних балтов, которое стало основой сложения раннесредневековых летто-литовских племен. В Смоленском Поднепровье и Полоцко-Витебском Подвинье жили днепровские балты, которые по мере освоения этих земель славянами были в основной массе славянизированы и вошли в состав древнерусской народности.

Ситуация коренным образом меняется в период великого переселения народов. В конце IV–V вв. в лесной полосе Восточно-Европейской равнины в довольно большом количестве появляются неизвестные ранее изделия провинциально-римского среднеевропейского происхождения (рис. 1). К настоящему времени зафиксировано более 100 памятников с такими находками, а число последних на некоторых поселениях достигает двух десятков (Седов, 1999, с. 91–117). Среди изделий, принесенных из провинциально-римского ареала в лесные области Восточной Европы, имеются шпоры и удила, некоторые типы копий и дротиков, боевые топоры, бритвы, пинцеты, V-образные рифленые пряжки, лунницы, выполненные в стиле Сёсдал, бусы некоторых типов. Все эти предметы имеют явно

среднеевропейское происхождение, поскольку в позднеримское время они широко бытовали в пшеворской, вельбарской и соседних с ними культурах бассейнов Вислы, Одера и Эльбы, и не были известны на юге Восточной Европы в области черняховской культуры. Как известно, функционировавшие в провинциально-римском ареале ремесленные мастерские, обеспечивавшие своей продукцией потребности населения пшеворской и вельбарской культур, в условиях гуннского нашествия и начавшихся переселений в конце IV – самом начале V в. полностью прекращают свою деятельность. Поэтому распространение вещей

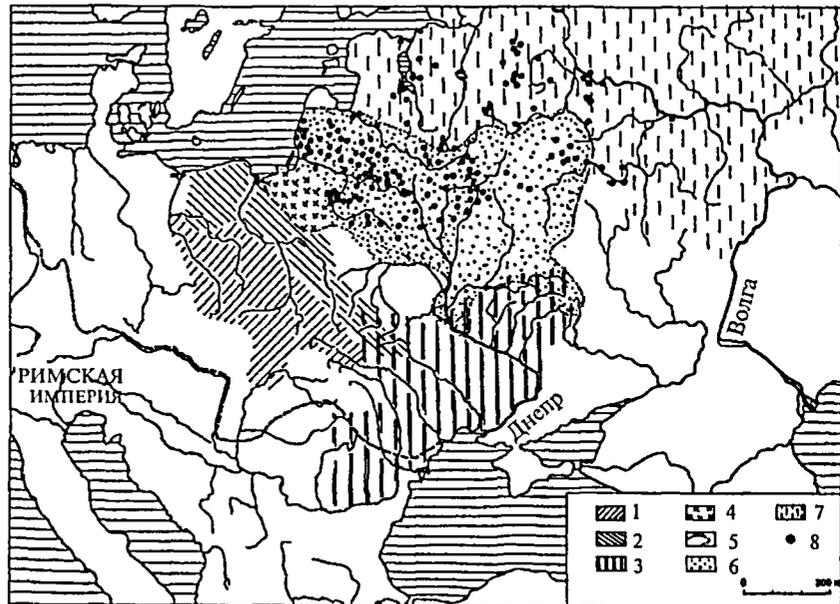

Рис. 1. Распространение вещей среднеевропейского провинциально-римского происхождения в период великого переселения народов в лесной полосе Восточно-Европейской равнины (Седов, 1999, рис. 15): 1 – ареал пшеворской культуры; 2 – ареал вельбарской культуры; 3 – ареал черняховской культуры; 4 – западнобалтская область, затронутая провинциально-римским влиянием; 5 – северная граница Римской империи; 6 – ареал балтских племен; 7 – ареал финно-угорских племен; 8 – памятники с находками вещей среднеевропейских провинциально-римских типов.

провинциально-римских типов в лесной полосе Восточной Европы никак невозможно объяснить торговыми или культурными контактами аборигенов с населением пшеворской или какой-либо иной культуры Средней Европы. Появление этих изделий следует объяснять только привнесением их миграционными волнами, исходившими из Среднеевропейских земель. Параллельно с изделиями провинциально-римского происхождения в тех местностях Восточно-Европейской равнины, где они появились, получают бытование железные серпы более совершенных типов, каменные жернова (прежде использовались зернотерки) и культуры ржи и овса.

Основным регионом, откуда шла миграция среднеевропейского населения в лесные земли Восточной Европы, было Среднее Повисленье. В позднеримское время оно было плотно заселено земледельческим населением. Здесь археологами документировано не менее 600 памятников этого периода. Все эти поселения и могильники прекратили функционирование в последних десятилетиях IV – первой половине V в. Причиной перемещения крупной массы земледельцев стало значительное ухудшение климата. Низкие температуры и чрезмерная увлажненность почвы, вызванная увеличением выпадения осадков и трансгрессией Балтийского моря, вывели большинство пахотных участков из хозяйственного пользования, а сами селения оказались подтопленными. Направление миграции среднеевропейского населения маркируют прежде всего V-образные рифленые пряжки. Это широкая полоса вдоль возвышенно-озерных гряд, оставленных валдайским оледенением.

Среднеевропейские переселенцы не были монолитными в этническом отношении, поскольку вышли из ареала, который в римское время был занят полиэтничным населением. Среди них были славяне – земледельцы, проживавшие вместе с германцами в Висло-Одерском регионе, западные балты, земли которых пересекли миграционные потоки, и представители германских племен. Значительную часть среднеевропейских переселенцев, нужно полагать, составляли славяне. Они были наиболее активным этносом, поскольку местное население, как балтское, так и

финноязычное, затронутое миграционными потоками среднеевропейцев, в конечном итоге оказалось славянизированным.

Миграция среднеевропейского населения была довольно мощной. В тех местностях Восточно-Европейской равнины, где оседали переселенцы, местные культуры раннего железного века в конце IV–V вв., в том числе днепро-двинская и культура штрихованной керамики, прекратили свое развитие. В Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье со смежными землями бассейна Немана, там, где расселилось среднеевропейское население, на рубеже IV–V вв. формируется новообразование – тушемлинская культура, эволюционно не связанная с предшествующими древностями. Территориально она заняла часть ареала днепро-двинской культуры и восточные регионы культуры штрихованной керамики. Аутохтонное население при появлении среднеевропейцев в основной массе не покинуло места проживания, о чем свидетельствует сохранение в тушемлинской культуре элементов местных культур раннего железного века. Оно вместе с пришельцами стало носителем новой культуры. Определить, какие этнические процессы происходили на ее территории, пока не представляется возможным. В самом начале VIII в. этот регион пополнился новыми переселенцами, в результате чего на смену тушемлинской пришла культура смоленско-полоцких длинных курганов, в составе которой началась славянизация местных балтов,

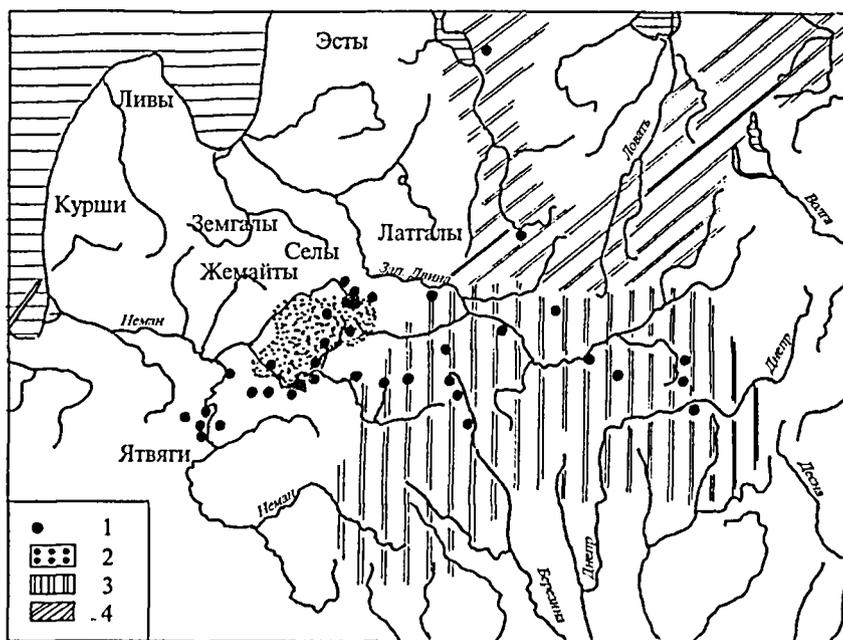

Рис. 2. Распространение браслетообразных височных колец конца IV – начала VI вв.: 1 – памятники с находками браслетообразных височных колец (Седов, 1999, рис. 26; литовские находки по: Lietuvos, 1988, žemėlapis 2 с дополнениями); 2 – ареал восточнолитовских курганов; 3 – ареал тушемлинской культуры; 4 – ареал культуры исконных длинных курганов.

завершившаяся в XI–XII вв. Это были смоленско-полоцкие кривичи, – метисное образование, в составе которого были как пришлые славяне, так и не в меньшей степени местные балты.

На присутствие в составе населения тушемлинской культуры славянского этнического компонента указывают находки браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими концами (рис. 2). Они встречены на территории многих поселений этой культуры, а также в захоронениях Акатовского грунтового могильника. Браслетообразные височные украшения, появившиеся в рассматриваемом регионе в середине I тысячелетия н.э. параллельно с оседанием среднеевропейских переселенцев, без каких-либо перерывов бытовали в лесной зоне Восточной Европы до XI–XIII вв. включительно, когда их славянская принадлежность не вызывает никаких сомнений (Седов, 1994, с. 56–68).

В ареале смоленско-полоцких кривичей на рубеже X–XI вв. концы таких украшений стали завязываться. В X–XIII вв. браслетообразные завязанные височные кольца – важнейший этнографический элемент рассматриваемой кривичской группы (Седов, 1982, с. 158–169).

Вопрос о происхождении этих украшений пока не может быть решен, однако это никак не может служить основанием для отрицания их славянской атрибуции.

Браслетообразные височные кольца, идентичные тушемлинским, в конце IV–V столетия в немалом количестве получили распространение также в юго-восточных районах территории современной Литвы (Lietuvos, 1978, p. 6–8, žemėlapis 2). Согласно установившимся в литовской литературе представлениям, эти украшения были типичны для древних литовцев и прикреплялись к характерным головным уборам – шапочкам из шерстяной ткани с бронзовыми бляшками (Volkaitė-Kulikauskienė, 1959, p. 36–41; Волкайте-Куликаускаене, 1985, с. 153; Tautavičius, 1996, p. 161–162). Между тем, браслетообразные височные кольца никак нельзя считать украшениями, характерными для литовских племен или для одного из них – литвы. Они не были свойственны культуре восточнолитовских курганов. В Литве они найдены преимущественно за пределами

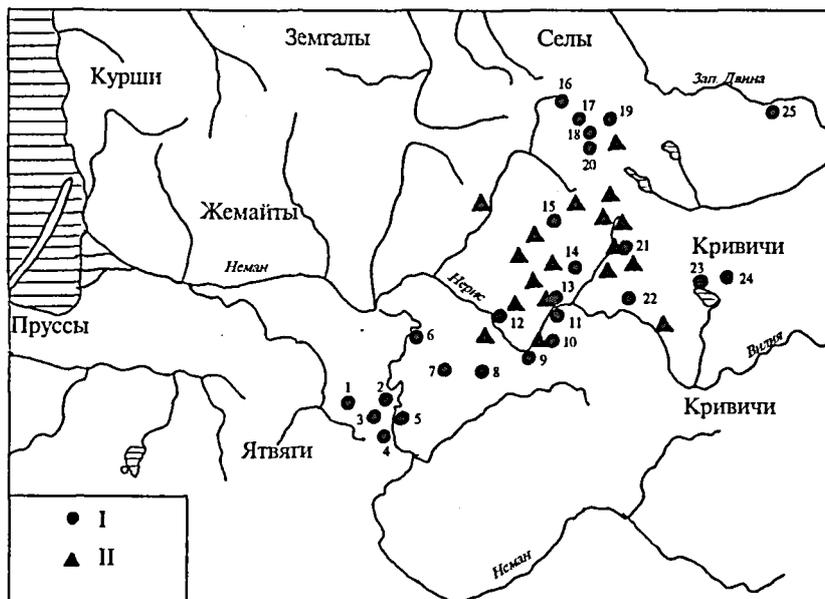

Рис. 3. Находки браслетообразных височных колец в Литве и восточнолитовские курганные могильники середины I тысячелетия: I – памятники с находками браслетообразных височных колец; II – курганные могильники с труположениями (Лухтан, Ушинскас, 1988, рис. 1) (1 – Радастай-Алекнонис; 2 – Бакшай; 3 – Лукснаей; 4 – Сейлюнай; 5 – Слабаделе (Аловеле); 6 – Мигонис; 7 – Аукштадварис; 8 – Эйтүленис; 9 – Кайренай; 10 – Жвирбляй; 11 – Варапнишкес; 12 – около Кярнаве; 13 – Пакраутгле; 14 – Граужиняй; 15 – Диктарай; 16 – регион Дусетос; 17 – Эйкотишкис; 18 – Жадавайняй; 19 – Лигалаукис; 20 – Рикликай; 21 – Межёнис; 22 – Черная Лужа; 23 – Мядельское; 24 – Микольцы; 25 – Прудники).

распространения курганов IV–V вв. (рис. 3) и происходят в основном из бескурганных некрополей (Граужиняй, Жадавайняй, Кайренай, Радастай-Алекнонис, Рокенай, Эйкотишкес). Кроме того, браслетообразные кольца обнаружены в курганах, сложенных из камней, с явно ятвяжскими захоронениями в Слабаделе (Аловеле), Лукснаей и Сейлюнай. Еще в четырех случаях они встречены на поселениях (Аукштадварис, Мигонис, окрестности Дусетос и Кярнаве). И только три находки происходят из труположений восточнолитовских курганов (Жвирбляй, Межёнис, Пакраутгле); еще одна – из ранних курганов с погребением по обряду кремации в могильнике Черная Лужа.

Культура восточнолитовских курганов сформировалась в конце IV–V вв. в правобережном регионе бассейна среднего течения Нериса на части территории, прежде занятой культурой штрихованной керамики (Волкайте-Куликаускаене, 1979, с. 3, рис. 1:2; Лухтан, Ушинскас, 1988, с. 93–96, рис. 1).

Становление новой культуры стало результатом метисизации местного населения, не покинувшего места своего проживания, и пришлого из более северных земель Литвы и южной Латвии, принесшего курганный обряд погребения. Восточнолитовские курганы с самого начала существенно отличались от предшествующих им погребальных

сооружений более северных земель. Последние были коллективными усыпальницами, и умерших в них помещали на материке, в то время как восточнолитовские курганы содержат индивидуальные труположения в могильных ямах. Привнесенный переселенцами обряд ингумации просуществовал в Восточной Литве чуть более столетия и был вытеснен ритуалом трупосожжения, свойственным коренному населению. Не исключено при этом и влияние ятвяжской обрядности и, может быть, обрядности средневропейских переселенцев.

Во второй половине I тысячелетия территория культуры восточнолитовских курганов расширяется в южном и восточном направлениях. На юге теперь она охватывает весь бассейн Мяркиса, на востоке достигает региона озер Свири и Нарочи. В

состав носителей этой культуры включается разноплеменное население этих земель. С VI в. в восточно-литовских курганах господствует уже обряд трупосожжения, который функционировал в Восточной Литве до XIII в. включительно. Первые такие захоронения появляются в курганах в V в. в основном в тех же могильниках, что и труположения. Причем ранние захоронения по этой обрядности совершались в могильных ямах под насыпями курганов. Позднее останки кремации умерших стали помещать в насыпи восточно-литовских курганов. Постепенно применение камня при сооружении курганных насыпей уменьшается, остается лишь кольцевая обкладка оснований насыпи. В Восточной Литве формируется единая этнокультурная общность с единым погребальным обрядом и типами поселений, отождествляемая исследователями с литвой или восточными аукштайтами (Volkaitė-Kulikauskienė, 1970, p. 32; Таутавичюс, 1959, p. 142; Таутавичюс, 1980, с. 83–84; Tautavičius, 1996, p. 46–57).

О том, что население Восточной Литвы в конце IV–V вв. было неоднородным в этническом отношении, говорят и данные палеоантропологии. Выясняется, что мужчины и женщины, представленные труположениями рассматриваемого времени, принадлежали к разным антропологическим типам. Мужской части населения свойственна узколицесть и грацильность, что типично для антропологического строения ранне-средневековых ятвягов Сувалкии. Женщины же

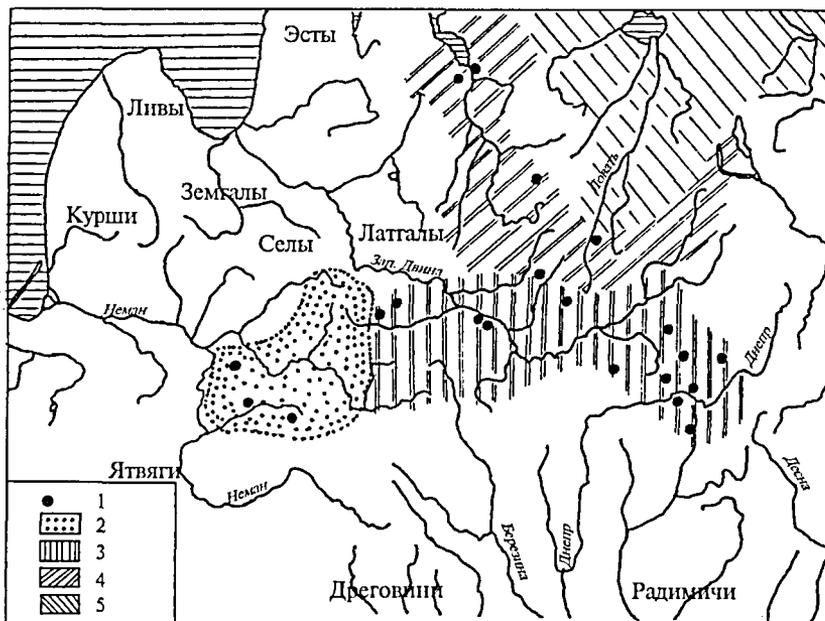

Рис. 4. Распространение серповидных височных колец: 1 – памятники с находками серповидных колец; 2 – ареал восточно-литовских курганов последних веков I тысячелетия и начала II тысячелетия); 3 – ареал длинных курганов смоленско-полоцких кривичей; 4 – ареал псковских кривичей; 5 – ареал сопков словен новгородских.

принадлежали к умеренно массивному широколицему типу (Česnys, Urbanavičius, 1984, p. 56–67; Денисова, 1990, с. 38–40).

Нужно полагать, что основу мужского населения в значительной части составляли пришлые ятвяги, которые и принесли в юго-восточные окраины Литвы обычай сооружения курганов с применением камня. Эти мужчины вступили в брачные связи с женщинами иного племени. Судя по браслетообразным височным кольцам, последние были родственны славянской части населения тушемлинской культуры. К сожалению, из-за широкого распространения обряда трупосожжения как в культурах раннего железного века, так и в раннем средневековье на основе антропологических материалов решить вопрос о происхождении женского населения Восточной Литвы конца IV–V вв. не представляется возможным.

По мере расширения территории культуры восточнолитовских курганов население, в среде которого женщины носили браслетообразные височные кольца, вливается в единое культурное пространство. В отличие от Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья здесь эти украшения сходят со сцены, что, по всей вероятности, обусловлено литуанизацией их носителей. Наиболее поздние находки браслетообразных височных колец в ареале восточнолитовских курганов происходят из курганов с захоронениями по обряду трупосожжения в Черной Луже. Впрочем, не исключено бытование этих украшений и

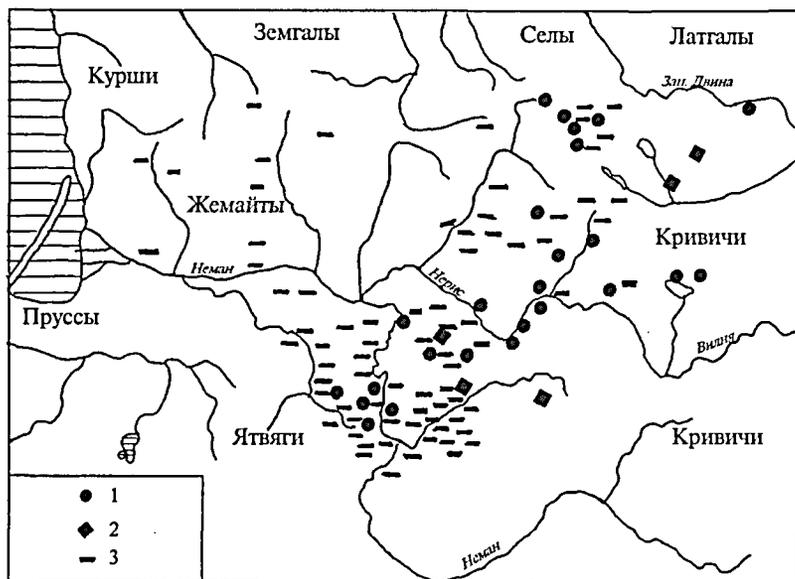

Рис. 5. Гидронимы славянского происхождения на территории Литвы: 1 – памятники с находками браслетообразных височных колец; 2 – памятники с находками серповидных височных колец; 3 – гидронимы славянского происхождения (вне территории Литвы не картографированы).

позднее, но они могли полностью сгорать на погребальных кострах. Об употреблении их в VI в. можно судить по находке на городище Аукштадварис.

Таким образом, о родственности литвы и смоленско-полоцких кривичей свидетельствуют два обстоятельства: 1) оба племени при формировании впитали в себя население культуры штрихованной керамики; 2) другим этническим компонентом, связывающим эти племенные образования, были носители первых браслетообразных височных колец, которые как в ареале тушемлинской культуры, так и на территории Литвы следует относить к славянскому этносу.

Никак нельзя согласиться с Е. А. Шмидтом, который полагает, что эти украшения развились из более ранних височных колец, известных в памятниках Литвы (Шмидт, 1996, с. 35; Шмидт, 2000, с. 115–116). Проволочно-спиральные височные кольца, бытовавшие короткое время (I–III вв.), и пластинчатые кольца, употреблявшиеся преимущественно во II в. (и те и другие в более западных районах Литвы), никак не могли быть прототипами браслетообразных височных колец эпохи переселения народов и раннего средневековья. Об этом говорят и хронологические нестыковки между этими украшениями.

Е. А. Шмидт полагает, что если на территории Литвы в I–III вв. население носило височные кольца, то и браслетообразные кольца тушемлинского ареала можно отнести к балтскому населению. Пластинчатые и спирально-проволочные височные кольца бытовали в Литве весьма

непродолжительное время и не оставили никаких следов в головных украшениях литовских племен последующего периода. Браслетообразные кольца продолжали бытовать, как уже отмечалось, до X–XIII вв., когда они были бесспорными маркерами части славянского мира. Носило ли пластинчатые и спирально-проволочные височные кольца в первых веках нашей эры местное население Центральной Литвы или же они появлялись здесь в результате внешнего воздействия, сказать невозможно.

О присутствии кривичского компонента в юго-восточной Литве в VIII–X вв. говорят находки так называемых серповидных височных колец (рис. 4). Это – проволочные в своей основе кольца диаметром от 5 до 10 см, с узкопластинчатыми концами, заходящими друг на друга. Плоские части их обычно

орнаментировались нарезными зигзагообразными линиями (на более поздних экземплярах зигзаги трансформируются в нарезки). Некоторые из этих колец имели крючок на одном из концов. Такие украшения весьма характерны для длинных курганов смоленско-полоцких кривичей VIII–IX вв. (Седов, 1995, с. 229–238; Седов, 1999, с. 140–145).

Прямых аналогий этим височным кольцам в синхронных или более ранних материалах Восточно-европейской равнины не обнаруживается. В литературе высказывалась догадка, что они восходят к летто-литовским шейным гривнам с заходящими пластинчатыми концами. Однако последние никак не могли быть прототипами височных колец, поскольку получили широкое распространение только в X–XI вв., а наиболее древние из них датируются временем не ранее конца VIII в., когда височные кольца в культуре смоленско-полоцких длинных курганов уже бытовали. К тому же последние существенно отличаются от летто-литовских шейных гривен, которые не имеют проволочной основы, свойственной височным кольцам. Нет на них также ни крючкообразных завершений, ни штихельных зигзаговых узоров.

Основу смоленско-полоцких серповидных височных колец, безусловно, составляли проволочные (браслетообразные) кольца, распространенные в тушемлинское время и продолжавшие бытовать в VIII–X вв. параллельно. Другим слабым элементом в оформлении серповидных колец были лунничные украшения, с которыми их роднят и зигзаговые штихельные узоры, и крючко-

образные завершения. Серповидные узкоплатинчатые расширения на проволочных кольцах, очевидно, появились как подражания лунничным кольцам, привнесенным в Смоленско-Полоцкий край переселенцами из Дунайских земель (Седов, 1999, с. 144–145). Серповидные кольца встречены в трех пунктах Восточной Литвы (Аукштадварис, Пирчюпай, Стакай).

О проживании славянского населения в юго-восточной Литве свидетельствуют также материалы гидронимии. Водные названия славянского происхождения на литовской территории были собраны и проанализированы А. Ванагасом

(Ванагас, 1981, с. 151–157). Датировать их по данным лингвистики не представляется возможным. Представляет интерес сопоставление распространения этих гидронимов с изложенными данными о расселении славян на литовской территории (рис. 5). Карта выявляет концентрацию гидронимов в тех областях, где обнаружены находки славянских височных колец середины и последней четверти I тысячелетия.

Таким образом, устанавливается, что литва и кривичи были в некотором отношении родственными образованиями, первые – балто-славянским племенем, вторые – славяно-балтским.

ЛИТЕРАТУРА

Ванагас А. П., 1981 – Литовские гидронимы славянского происхождения // Балто-славянские исследования. 1980. Москва, 1981, с. 151–157.

Волкайте-Куликаускаене Р., 1979 – Образование литовской народности (по данным археологии) // Советская этнография. 1979. № 3, с. 31–46.

Волкайте-Куликаускаене Р., 1985 – Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Москва, 1985, с. 146–171.

Денисова Р. Я., 1990 – География антропологических типов балтских племен и этногенетические процессы в I – начале II тысячелетия н.э. на территории Литвы и Латвии // Балты, славяне и прибалтийские финны: этногенетические процессы. Рига, 1990, с. 28–81.

Лухтан А., Ушинскас В., 1988 – К проблеме становления Литовской земли в свете археологических данных // Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс, 1988, с. 89–104.

Седов В. В., 1982 – Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). Москва, 1982.

Седов В. В., 1994 – Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // Российская археология. 1994, № 2, с. 56–70.

Седов В. В., 1995 – Славяне в раннем средневековье. Москва, 1995.

Седов В. В., 1999 – Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. Москва, 1999.

Таутавичюс А., 1959 – Восточно-литовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Москва, 1959. Т. 1, с. 128–153.

Таутавичюс А. З., 1980 – Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н.э. // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980, с. 80–88.

Шмидт Е. А., 1996 – Об этнической принадлежности племен тушемлинской культуры IV–VII вв. в верховьях Днепра // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1996. № 10, с. 33–37.

Шмидт Е. А., 2000 – О тушемлинской культуре IV–VII веков в Верхнем Поднепровье и Подвинье (к вопросу этнической атрибуции) // Iš baltų kultūros istorijos. Vilnius, 2000, p. 113–123.

Česnys G., Urbanavičius V., 1984 – M. e. I tūkstantmečio vidurio rytų Lietuvos gyventojų antropologija // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A serija. Vilnius, 1984. T. 3(88), p. 56–68.

Lietuvos, 1978 – Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Vilnius, 1978. T. 4.

Tautavičius A., 1996 – Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius, 1996.

Volkaitė-Kulikauskienė R., Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuošalai // Iš lietuvių kultūros istorijos. Vilnius, 1959. T. 2, p. 30–54, 342–346.

Volkaitė-Kulikauskienė R., 1970 – Lietuviai IX–XII amžiais. Vilnius, 1970.

LIETUVA IR KRIVIČIAI

Valentinas Sedovas

Santrauka

Didžiojo tautų kraustymosi metu žymi gyventojų dalis iš Vidurio Europos persikėlė į miškingas Rytų Europos lygumos žemes. Persikėlėliai įsikūrė ir teritorijoje, priklausiusioje baltams, kuriems atstovavo brūkšniuotosios keramikos ir Dniepro–Dauguvos kultūros (pav. 1). Pastarosios liaujasi egzistavusios ir IV–V a. sandūroje for-

muojasi naujos kultūrinės bendruomenės – Tušcmlios kultūra. VIII–IX a. šiame regione atsiranda Smolensko – Polocko krivičiai ir Rytų Lietuvos pilkapių kultūra, priklausiusi ankstyvųjų viduramžių Lietuvai (arba aukštaitėiams). Pastarosios susidarė susimaišius vietinių gyventojų ir atėjūnų kultūroms.

Vidurio Europos migrantai buvo ir slavai. Apie tai liudija rasti apyrankių formos antsmilkiniai (pav. 2), kurie atsiranda IV–V a. vidurio europiečių kraustymosi srityje ir išlieka Smolensko Padnieprėje ir Polocko Pauduguvyje iki X–XIII a. Jų (krivičių) slaviška atribucija nustatoma remiantis patikimais duomenimis. Rytų Lietuvoje slavai – šių antsmilkininių nešiotojai – buvo ankstyvųjų viduramžių gentinio darinio, žinomo Lietuvos (aukštaičių) vardu, sudėtyje (pav. 3). VIII–IX a. slaviškasis komponentas pietryčių Lietuvoje dokumentuojamas negausiai rastais pjautuvo pavidalo antsmilkininių radiniais (pav. 4). Apie slavų gyvenimą tarp Rytų Lietuvos baltų liudija ir hidronimikos medžiaga (pav. 5). Taigi lietuviai ir krivičiai buvo tam tikra prasme giminingos baltų slavų bendruomenės.

ILIUSTRACIJŲ SARAŠAS

1 pav. Vidurio Europos Romos provincijos kilmės daiktų paplitimas Rytų Europos miškingoje srityje. (Седов, 1999, рис. 15): 1 – Pševoro kultūros arealas; 2 – Velbaro kultūros arealas; 3 – Černiachovo kultūros arealas; 4 – Vakarų baltų sritis, paveikta Romos provincijos įtakos; 5 – siaurinė Romos imperijos riba; 6 – baltų genčių arealas; 7 – ugrofinų genčių arealas; 8 – paminklai su Vidurio Europos Romos provincijos daiktų tipo radiniais.

2 pav. Apyrankės formos antsmilkininių paplitimas IV a. pabaigoje – VI a. pradžioje: 1 – paminklai su

apyrankės formos antsmilkininių radiniais (Седов, 1999, рис. 26; lietuviški radiniai pagal Lietuvos, 1988, žemėlapis 2 su papildymais); 2 – Rytų Lietuvos pilkapių arealas; 3 – Tušemlios kultūros arealas; 4 – Pskovo ilgųjų pilialkalnių kultūros arealas.

3 pav. Apyrankės formos antsmilkininių radiniai Lietuvoje ir Rytų Lietuvos I tūkstantmečio vidurio pilkapynai: I – paminklai su apyrankės formos antsmilkininių radiniais; II – pilkapynai su griautiniais kapais (Лухтан, Ушинска, 1988, рис. 1) (1 – Radastai–Aleknony; 2 – Bakšiai; 3 – Luksnėnai; 4 – Seiliūnai; 5 – Slabadėlė (Alovėlė); 6 – Migony; 7 – Aukštadvaris; 8 – Eitulionys; 9 – Kairėnai; 10 – Žvirbliai; 11 – Varapniškės; 12 – prie Kernavės; 13 – Pakrauglė; 14 – Grauziniai; 15 – Diktarai; 16 – Dusetų regionas; 17 – Eikotiškės; 18 – Žadavainiai; 19 – Lygalaukis; 20 – Riklikai; 21 – Miežionys; 22 – Čiornaja Luža; 23 – Medelskoje; 24 – Mikolcai; 25 – Prudnikai).

4 pav. Pjautuvo formos antsmilkininių paplitimas: 1 – paminklai su pjautuvo formos antsmilkiniais; 2 – I tūkstantmečio paskutinių amžių ir II tūkstantmečio pradžios Rytų Lietuvos pilkapių arealas; 3 – Smolensko–Polocko krivičių ilgųjų pilkapių arealas; 4 – Pskovo krivičių arealas; 5 – Novgorodo slovėnų pilkapių arealas.

5 pav. Slaviškos kilmės hidronimai Lietuvos teritorijoje: 1 – paminklai su apyrankės formos antsmilkininių radiniais; 2 – paminklai su pjautuvo formos antsmilkininių radiniais; 3 – slaviškos kilmės hidronimai (už Lietuvos teritorijos ribų nekartografuoti).

Iš rusų k. vertė Inita Tamošiūnienė

LITHUANIA AND KRIVICHI

Valentin Sedov

Summary

During the Great Migration of the nations the significant part of the inhabitants from the Middle Europe migrated to the lands of the Eastern Europe which were full of forests. The new-comers settled in the territory that belonged to the Balts that were represented by the cultures of Dnepr–Daugava and Brushed Ceramics. The latter stopped existing and in the IV–V centuries formed new culture communities – Tushemlia culture when the Krivichi of Smolensk–Polock emerged in the 8–9 centuries and the culture of the East Lithuania barrows that belonged to Lithuania (or upland Lithuanians) of the early Middle Ages. They were formed when the cultures of the local inhabitants and the new-comers mixed.

The migrants of the Middle Europe were also the

Slavs. It was proved by the found hair-rings of a bracelet shape found in the migration area of the Middle Europeans of the 4–5 centuries and remains in the Dnepr riverside of Smolensk and Daugava riverside of Plock until the 10–13 centuries. The Slavonic attribution (Krivichi) is determined according to the reliable data. The Slavs of the East Europe, the persons who wore those hair-rings were a part of the tribe unit, known as Lithuania (upland Lithuanians). In the 8–9 centuries the Slavonic components in the South East Lithuania is documented by the few found finds of the hair-rings of a sickle shape. The hydronomic material also witness about the presence of the Slavs. So both Lithuanians and Krivichi were the related Balts – Slavs communities in a sense.

THE LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. Spreading of the artefacts originated from the province of Rome of the Middle Europe in the East Europe, in the area full of forests (Седов, 1999, рис. 15): 1 – areal of the Przevor culture; 2 – areal of the Velbar culture; 3 – areal of the Cherniakhov culture; 4 – area of the West Balts influenced by Rome province; 5 – the northern boundary of the Roman Empire; 6 – the areal of the Balts tribes; 7 – the areal of the Ugrofinns tribes; 8 – sites with the finds of a type of the artefacts of a type of the Rome province of the Middle Europe.

Fig. 2. Spreading of the hair-rings of a bracelet shape at the end of 4 century – the beginning of 6 century: 1 – sites with the finds of the hair-rings of a bracelet shape (Седов, 1999, рис. 26; Lithuanian finds according to the Lietuvos, 1988, map 2 with the annexes); 2 – areal of the barrows of the East Lithuania; 3 – areal of Tushemlia culture; 4 – areal of the Pskov culture of the long barrows.

Fig. 3. Finds of the hair-rings of a bracelet shape in Lithuania and the barrows of the middle of the 1st century of East Lithuania: I – sites with the finds of hair-rings of a bracelet shape; II – barrow cemeteries with the

primary burials (Лухтан, Ушинска, 1988, рис. 1) (1 – Radastai–Aleknony; 2 – Bakšiai; 3 – Luksnėnai; 4 – Seiliūnai; 5 – Slabadėlė (Alovėlė); 6 – Migonys; 7 – Aukštadvaris; 8 – Eitulionys; 9 – Kairėnai; 10 – Žvirbliai; 11 – Varapniškės; 12 – near Kernavė; 13 – Pakrauglė; 14 – Graužiniai; 15 – Diktarai; 16 – Dusetos region; 17 – Eikotiškės; 18 – Žadavainiai; 19 – Lygalaukis; 20 – Riklikai; 21 – Miežionys; 22 – Chiornaya Luzha; 23 – Medelskoye; 24 – Mikolcy; 25 – Prudniki).

Fig. 4. Spreading of the hair-rings of a sickle shape; 1 – monuments where sickle-shaped temple ornaments were found; 2 – areal of the barrow cemeteries of the East Lithuania from the last centuries of the 1st millennium and the beginning of the 2nd millennium; 3 – areal of the barrow cemeteries of the Krivichi of the Smolensk–Plock long barrows; 4 – areal of the Pskov Krivichi; 5 – areal of the Slovenes of the Novgorod barrows.

Fig. 5. Hydronyms of the Slavonic origin in the territory of Lithuania: 1 – sites with the finds of the hair-rings of a bracelet shape; 2 – sites with the finds of the hair-rings of a sickle shape; 3 – hydronyms of the Slavonic origin (non cartographed outside the territory of Lithuania).

Translated from Lithuanian by Rasa Tolvaišaitė

Prof. habil. dr. Valentinas Sedovas (Валентин Васильевич Седов)
Институт археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова 19, 117036, Москва, Россия.

· Straipsnis gautas 2001 02 23